

БЛАГОДАРНОСТИ

Михаилу Клецкому, ученому, кандидату химических наук, за замысел романа и потрясающие детали из истории русской парфюмерии.

Даниле Мальцеву, эксперту-криминалисту, за профессиональные консультации и подсказки.

*В ночи, под снежной пеленой,
Им суждено – дышать весной
И умереть к весне.*

«Ландыш», К. Льдов, 1908 г.

1. ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

Осенью 1930 года по Москве прокатилась серия ограблений, смешно сказать, булочных. Пустяк, фыркнет обыватель, переживший революцию и гражданскую, сражающийся с чистками на службе и уплотнительской. Но сотрудникам угрозыска было не до смеха. Хлеб, голова всему, приносил неплохую выручку, но не в социалистическую кассу, а бандитам. К тому же вооруженные грабители действовали жестоко, уже случились и раненые. Брали не только кассы булочных, пострадали и пара галантерейных магазинов на окраинах, и даже одно ателье.

Свежую газету с заметкой об очередном налете наклепили на доску у высоких дверей

магазина. Бумага влажная с потеками клея, «пузырь» вылез как раз на подробностях. Пробежав заметку, я отвлекся от дел земных на интереснейшую статью об испытательных полетах «Сталь-2», советского пассажирского самолета новой конструкции. Ее теснила широкая, в полосу, статья о развернутом строительстве метро, по образцу лондонского, но с несказанно большим размахом. Из-под шелухи старых газет еле читались затертые строки об очередной годовщине самоубийства поэта, трубача революции: «Мы осуждаем его за дезертирство из жизни»...

В те годы были крайне редки дерзкие налеты, такие как выходы Сабана, который, узнав, что его будут брать, застрелил 16 постовых, или нападения банды Кошелька, короля ночной Москвы, знаменитого тем, что остановил машину Ленина и, не узнав того, отпустил, отобрав автомобиль¹. Но и спокойной обстановку

---

¹ По легенде, Ленина спасла безграмотность бандитов. Кошелек неверно прочел в документах вождя фамилию. Поэтому и оставил того в живых, заявив, что ему плевать на «какого-то там Левина!».

назвать было нельзя. То тут, то там вспыхивали грабежи, хулиганье шастало по улицам, да и крупные дела — убийства, нападения на кассиров, перевозящих мешки с вырубкой, — никуда не делись.

Но все же Москва, как и вся страна, возвращалась к мирной жизни. Склеивались сломанные позвонки столетий, жизнь в новом веке в молодом государстве кипела. По плану первых пятилеток строились и модернизировались заводы. Силами заключенных трудовых лагерей в рекордные сроки возводился Беломорканал. Китобойные флотилии шли из Ленинграда во Владивосток — добывать огромное количество рыбьего жира для здоровья каждого гражданина. Человек стремился все дальше, он был готов прыгнуть в большое «ничто» — космос. И советские писатели уже планировали заселение Венеры¹.

На московском же перекрестке регулировщик в белоснежном тропическом шлеме и таких же перчатках парадно гудел

---

¹ Отсылка к роману А. Беляева «Прыжок в ничто».

в свисток. Привычные ко всему извозчи-
чьи лошади не пугались, а послушно раз-
ворачивались в нужную сторону. Трамваи
ходили по расписанию и даже в вечернее
время. Шумели центральные улицы. Свер-
кали витрины магазинов, хотя некоторые
продукты до сих пор отпускали по карточ-
кам. Летом скверы, бульвары и дворики
заполняла оголтелая счастливая детвора.
В театрах давали премьеры. Заговорил си-
нематограф — на экраны вышли первые
советские звуковые фильмы.

Грабежи булочных на этом масштаб-
ном фоне смотрелись неказисто. Но меня
криминальная хроника все же интересо-
вала больше, чем достижения промыш-
ленности. Этот новый для страны этап
знаменовался и моими, не масштабными
на фоне столетия, но все же важными
личными переменами. Уже больше месяца
я — слушатель курсов повышения квали-
фикации для криминалистов (судмедэк-
спертов) в столице СССР. Тут, кстати, все
поголовно говорят, а некоторые и гра-
бят — «булоШные». А не булочные, как на
юге. Смягчающая шипящие, оглушающая

звонкие согласные и немного акающая речь москвичей поначалу казалась многим слушателям курсов непривычной, с акцентом, как у иностранцев...

Курсы в Москве созданы при Центральном институте усовершенствования врачей. Обучают здесь судебных медиков из всех советских республик. Курсы для нас стали чем-то вроде премии за содействие в возвращении скифского клада¹. Для нас, потому что вместе со мной направили и Васю Репина. О кладе взхлеб писали районные и краевые газеты. Да что там краевые, даже из «Ленинградской правды» приезжал товарищ.

Знаменитую прозекутуру, где проходили наши лекции, возглавлял не менее известный, хотя и в узких кругах, профессор Симаков. Своим моргом он хвалился, как хозяин гостеприимным домом, утверждая, что «к нам везут любопытные случаи со всей Москвы!».

Профессор-светило заведовал кафедрой судебной медицины еще до 17-го го-

---

¹ Отсылка к событиям книги Лизы Лосевой «Мертвый невод Егора Лисицы».

да. Он успевал вести исследования по мумификации трупов, преподавать на рабфаке и читать курсы нам, докторам из провинции. В студенчестве я изучил его докторскую «О волосах в судебно-медицинском отношении». В ней встречались парадоксальные цитаты, типа «большинство безбородых воры, бродяги и убийцы», но в остальном это была совершенно необходимая для судебного эксперта научная работа, иллюстрированная превосходно выполненным атласом волос. Кстати, уже на лекциях я убедился, что у самого профессора Симакова вполне ухоженная красивая борода.

Профессор чаще всего был беспросветно занят. Но если его удавалось поймать! Он блистательно давал практикум, сыпал резкими репликами, не удивлялся часто беспомощным вопросам слушателей курсов и лишь однажды презрительно хмыкнул, когда труп на столе внезапно сел из-за спазма воздуха, скопившегося в гортани, и Вася Репин, ошалев, выскочил «подышать».

Бывало, поздним вечером неутомимый и бодрый профессор Симаков ловко, как

на вскрытии, управляясь щипцами, раскалывал на кусочки сахар, макал его в чашку с горячим чаем и рассуждал о красоте чисто сделанного среза фрагмента кожи. Или, загасив сигарету на блюдечке, принимался обсуждать смерть того самого поэта, трубача революции. Вскрытие делали в присутствии товарищей с Лубянки, но профессор успел осмотреть череп поэта и вписать его в свою теорию об особой анатомии самоубийц. Мимоходом он делился ценнейшими рекомендациями. Я записывал их на ходу на каких-то обрывках, в этих своих дневниках и вообще где придется.

Слушатели курсов, «молодые» специалисты, все были разного возраста, в основном далекие от студенческой скамьи. Они должны были знать особенности обследования трупов при различных видах смерти. Уметь провести осмотр тела на месте, определить разницу между прижизненными и посмертными повреждениями. И много чего еще. Заняты мы были сутками, возвращались в свое общежитие за полночь, а нередко и ночевали в инсти-